

Татьяна Александровна Алюшина

Смерть в наследство

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589815
Смерть в наследство: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-227-02535-7

Аннотация

Чудом выжив в автокатастрофе, Вероника рассчитывала вернуться к прежней жизни. Но звонок неизвестного спутал все ее планы... Девушке отвели три дня на поиски таинственного наследства ее деда – в прошлом военного разведчика. В противном случае ей грозит расправа... Друзья знакомят Веронику с бывшим сотрудником спецслужб Кнуровым и его коллегами – первоклассными специалистами, которым под силу разрешение самых сложных ситуаций. Рядом с Кнуровым Вероника забывает о смертельной опасности, угрожающей ее жизни, и полностью растворяется в водовороте новых для нее чувств...

Книга также выходила под названием «Любовь со вкусом вишни».

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Татьяна Алюшина

Смерть в наследство

Пролог

Германия. Пригород Берлина, апрель 1945 года

Земля содрогалась от разрывов снарядов. Едкий дым, перемешанный с кирпичной пылью рухнувших зданий и жирными лохмотьями копоти, резал глаза и превращал день в серые мглистые сумерки.

Советская артиллерия прямой наводкой обстреливала пригород Берлина, готовясь к штурму. Немецкие части занимали еще уцелевшие здания, развалины, любые укрытия, где можно было закрепиться, превратив этот маленький городок, вплотную примыкавший к окраине Берлина, в сплошную линию обороны.

Советские орудия планомерно – квартал за кварталом, с юга на север – обстреливали эту линию обороны.

На время артобстрела редкие неэвакуировавшиеся местные жители и солдаты прятались в убежищах и подвалах от творившегося на улицах ада, с ужасом ожидая штурма русских войск.

Выходить на улицу во время артобстрела и передвигаться по городу, вернее, по тому, что еще совсем недавно было тихим бюргерским городком, сейчас превращенным в руины, было сродни самоубийству.

Но у него не было выбора.

Сегодня должна состояться встреча с курьером, марш-агентом, как их называли, коим долгие годы в разных странах он проработал сам.

В эти последние месяцы, когда уже был ясен исход войны, работа разведчиков стала непредсказуема. Согласовать время наступления советских войск, артобстрелов и встреч с курьерами так, чтобы не подвергать риску жизнь резидентов, было практически невозможно. Ситуация менялась ежечасно, решения приходилось принимать на ходу, особенно здесь, на этом участке наступления советской армии, а не там, где двигались союзники.

На встрече курьер должен передать последнее задание, план его ухода и забрать добытую им информацию.

Переждав, пока разрывающиеся снаряды переместятся севернее, он выбрался из своего убежища в пустынный, разрушенный, догорающий город. Добраться до условленного места оказалось не так просто, несколько раз пришлось возвращаться и обходить улицы и переулки, безнадежно заваленные новообразовавшимися руинами разбитых домов.

Он свернул в один из переулков, чудом оказавшийся проходимым и даже свободным для проезда. Дома по обе стороны были черными от копоти пожаров, разбитые, но устоявшие.

В конце переулка он увидел автомобиль и насторожился. Двигатель урчал, работая на холостом ходу.

Странно! Машина, судя по номерам, принадлежала высокому абверовскому чину. Куда он мог ехать во время обстрела?

Немцы носа не высовывали из укрытий, пережидая бомбежки и артобстрелы. Должна быть веская причина, чтобы кто-то решился на такой риск!

Очень, очень веская причина!

Поколебавшись, он подошел к машине и заглянул внутрь через разбитое боковое стекло.

В машине находились четверо – шофер, сидевший рядом офицер высокого ранга и двое солдат сзади.

Осколки разорвавшегося в нескольких метрах впереди снаряда изрешетили крышу, верх кузова, выбили стекла и расстреляли в упор всех находившихся в машине, невероятным образом не задев мотора, который продолжал работать.

Он услышал непонятный, странный звук.

Звук повторился, громче.

– Подойдите ко мне! – жутким голосом прохрипел все еще живой офицер.

Один из осколков попал ему в горло. Рукой, одетой в черную лайковую перчатку, он зажимал рану и пытался что-то сказать. Кровь текла по руке, черная на черной перчатке, становясь ярко-красной на запястье и снова черной, стекая по рукаву кожаного форменного плаща, в который он был одет.

– Вы патриот? – прохрипел офицер.

Ему оставались считанные секунды, жизнь уже ушла из него, странно, как он вообще мог говорить.

– Да.

– Тогда приказываю вам доставить груз и бумаги!

Он закатил глаза, пытаясь вдохнуть. Раздался неприятный булькающий звук.

– В папке пункт назначения, самолет ждет. Срочно! – Голос, больше похожий на шипение, становился все тише. – Документы не читать, ящик не вскрывать! Немедленно ответьте...

Офицер попытался еще что-то сказать, дернулся, рука упала.

Быстро открыв заднюю дверцу, он проверил, живы ли солдаты на заднем сиденье. Нет. Он обошел машину, распахнул дверь со стороны шофера, вытащил его, уложил на асфальт и сел за руль. Взяв папку с документами из руки офицера, быстро пробежал бумаги глазами и задумался.

Собственно, думать было некогда!

Время мгновенных решений!

Он развернул машину и поехал совсем не в том направлении, куда приказывал ему двигаться отходящий в мир иной немецкий офицер.

На самой окраине городка находилось здание, в котором размещалась автомастерская. Здание было разрушено, но мастерская уцелела, даже ворота устояли, и дорожка к ним, конечно, завалена битым кирпичом, но проехать возможно. Он присмотрел эту мастерскую, привычно отмечая для себя любые мелочи. Ему нужно место и время, чтобы во всем разобраться.

В багажнике машины стоял ящик с откинутой, словно распахнутый черный рот, крышкой, сверху содержимого ящика лежала папка с документами. Он сидел рядом на колченогом стуле, найденном в мастерской, курил и пристально смотрел на содержимое багажника, как будто ждал ответа.

Он затушил сигарету, достал портсигар, неторопливо вытащил еще одну, щелкнул крышечкой, убрал портсигар, закурил и опять посмотрел на ящик.

Он смотрел на свой смертельный приговор.

Кому бы из советского руководства он ни доставил этот груз, его ждала смерть. Если груз попадет в руки тех, кому предназначался, то расстрел подразумевался сам собой, как самая действенная мера по сокрытию сверхсекретной информации. Даже если он сможет

передать все своему руководству, то его судьбу будет решать не оно, и, следовательно, результат тот же – нет человека, нет проблемы.

Но и бросить все это, спрятать и уйти он не мог, как офицер, как разведчик, как человек, прекрасно понимая ценность того, что лежало перед ним.

Ему предстояла долгая ночь в компании трех покойников, все так же сидящих в машине.

Ему надо продумать все до мелочей, составить план и действовать, действовать!

Встреча с курьером так и не состоялась, такая вероятность была предусмотрена, как и вторая встреча, утром, если по каким-то причинам он не сможет прийти, а утром будет штурм города.

Он вспомнил свой последний разговор с отцом.

Было совсем раннее утро, когда они, проговорив всю ночь, вдруг поняли, что настало время прощания, видимо последнего. Оба понимали, что вряд ли, после того как отец осуществит задуманное, он останется жив.

Отец поднялся с кресла, выключил свет в комнате и, отдернув тяжелые портьеры, распахнул оба окна.

Небо светлело, готовясь встретить солнце, за окном стояла предрассветная, особенно пронзительная тишина.

Клубы дыма от выкуренных ими за ночь папирос, висевшие под потолком, потянулись на улицу медленно и лениво, как бы не желая расставаться с облюбованной ими комнатой.

Отец стоял у окна, засунув кулаки в карманы форменных брюк, и смотрел на предрассветную Москву.

– Правители приходят и уходят, сын, а отечество остается, – сказал он севшим за ночь от разговоров и дыма голосом. – Если когда-нибудь ты не будешь знать, как поступить, поступи на благо Родины. Не конкретного человека, стоящего во главе России, не идеологии, царящей в этот момент в стране, а в интересах отечества и народа, как бы высокопарно это ни звучало, даже если страна и народ не оценят твоего поступка.

Отец повернулся к нему лицом и показался в этот момент невероятно красивым и почему-то молодым.

– Именно так, сын! Как русский офицер – в первую очередь интересы Отечества, во вторую – жизнь и безопасность родных и близких, а уж потом все остальное! И еще! Береги себя, постарайся выжить в этой мясорубке и в той, которая грядет! Будь умнее, сильнее, хитрее всех своих друзей и врагов! На тебя остаются девочки, и их надо защитить во что бы то ни стало!

* * *

Он давно приучил себя думать на языке той страны, в которой работал. И сейчас, поймав себя на том, что мысленно переводит слова отца на немецкий, улыбнулся.

– Да, отец, – сказал тихо по-русски. – В интересах страны.

Он уже принял решение и придумал план, теперь надо обдумать все мелочи, все детали, но сначала... Он взял папку, вытащил из нее два документа, положив папку на место, еще раз перечитал текст.

– А это надо уничтожить, – уже на немецком сказал он, – в тех самых интересах отечества.

Он достал зажигалку, поджег листы и, глядя на разгорающийся огонь, поставил себе основную задачу:

– Значит, надо сохранить все это и при этом выжить самому!

Наши дни. Москва

Еще в лифте она достала из сумочки ключи от квартиры – так ей хотелось оказаться скорее дома.

Лифт, как и сам дом, был старый, добротный, обшитый внутри деревянными рейками с двумя дверцами, открывающимися внутрь, и одной наружной. Ехал он неторопливо, очень солидно, как и положено в таком возрасте. Первый раз за все время, которое она здесь прожила, а прожила она здесь всю свою тридцатилетнюю жизнь, Ника мысленно поторапливала: «Ну, давай же, побыстрее, ну пожалуйста!»

Правда, она не сильно настаивала – у лифта был свой, очень непростой характер, чем-то похожий на английского лорда, или пэра, или это одно и то же?

Нике ужасно хотелось в свою любимую квартиру. Она соскучилась по дому, тяжелой двери, которую надо обязательно потянуть на себя, чтобы открыть замок, по вздоху паркетных половиц в прихожей – они именно вздыхали, а не скрипели, по родному, знакомому с детства запаху их дома, их жизни, вернее, теперь только ее жизни.

Мягко, с достоинством лифт остановился на четвертом этаже.

«Овсянка, сэр!»

– Спасибо, – поблагодарила его Ника.

Она торопливо вставила ключ в замочную скважину, потянула на себя дверь, замок щелкнул. Переступив порог, она локтем нажала выключатель – его все нажимали локтем, входя в дом, всегда.

Прихожую приветливо и уютно залил желтый свет, радостно вздохнули половицы, приветствуя ее.

– Я тоже очень рада!

Ника вдохнула запах родного дома.

Застоявшийся воздух давно не проветриваемого помещения усиливал аромат дома, делая его слишком насыщенным, немного приглушая радостное настроение и нетерпеливое ожидание встречи.

– Сейчас все проветрим! – пообещала она квартире.

Бросив сумку с вещами на пол возле вешалки, скинув обувь, Нина прошла по всем трем комнатам, открывая окна.

– Хорошо, что цветов нет, а то завяли бы все.

Цветов, или «комнатных растений», как называла их в шутку мама, дома всегда было много. Разных – больших в огромных глиняных горшках, средних, маленьких, высоких и низеньких. Они стояли в каждой комнате, в кухне и даже в ванной на окне. Была в их доме такая экзотика – окно в ванной, и в прихожей стоял какой-то лохматый куст. Сонечка объясняла им всем, что это очень редкий экземпляр, он любит темноту, и все время повторяла его название, которое так никто и не запомнил.

– Сонечка! – смеялась мама. – Ну какое растение может любить темноту?

– Это, – отвечала Соня.

И как ни странно, куст жил себе поживал, желтеть и чахнуть не собирался, и по всему было видно, что он вполне доволен жизнью, как, впрочем, и вся остальная растительность.

После Сониной смерти все цветы стали болеть, сохнуть и умирать. Чего только Ника не делала – и поливала разными прикормками, и, достав с самой верхней книжной полки старинную Сонечкину книгу по уходу за цветами, лечила их по написанным там правилам, она даже разговаривала с ними, бесполезно – цветы без Сони не жили.

Ника рассказала бабуле, и та договорилась с приятельницей, что она, то бишь приятельница, заберет все цветы на дачу, где постоянно жила последние годы. В один «прекрас-

ный» день внук этой самой дамы приехал на грузовой машине и вывез всю их растительность.

Судьбой этих цветов-предателей Ника не интересовалась – все, вывезли и вывезли! Странно, никого из своих родных она не обвиняла в уходе, не считала, что ее предали, бросили одну на этом свете, а вот цветы обвиняла.

– Ладно, все, проехали!

Она часто разговаривала сама с собой, так было лучше, гораздо лучше, чем все время слушать тишину дома.

Ника прошла в ванную, пустила воду, добавила ароматной пены с запахом лаванды, сняла с себя всю одежду и, затолкав ее в стиральную машину, протянула руку к халату, висевшему на дверце, но передумала:

– Нет, я, наверное, больницей провоняла, сначала вымоюсь.

Так, голой, и прошла в кухню, набрала воды в чайник, включив конфорку, поставила на плиту, на медленный огонь, смотрела не видя, вспоминала.

Сонечка категорически не признавала электрические чайники.

– В нем вода получается невкусной, быстрой, – поясняла она. – Вода должна закипать медленно, на маленьком огне, тогда и чай будет хороший.

Ника не спорила, они с Сонечкой никогда не спорили, поводов не было. Они вообще жили очень дружно: душа в душу, как говорила Сонечка.

– Да, что такое?! Что это тебя сегодня понесло в воспоминания? – громко возмутилась Ника, сдерживая себя, изгоняя тоску задумчивую.

«Просто я давно не была дома, вот и вздыхаю вместе с квартирой, она тоже соскучилась. Ладно, надо принять ванну, убрать весь дом – и все наладится!»

Вода в ванной шумела, чайник мирно посапывал, готовясь закипеть, Ника протянула руку к полке за кружкой и удивилась – кружки стояли не так, как обычно.

– Странно, Милка, что ли, их переставила?

Нет, конечно, никто в их семье не был педантом и чистюлей до занудства, но были некоторые вещи, правила, когда-то и кем-то заведенные, которые всегда соблюдались, например, как чашки на полке, почему-то всегда стоящие ручками в одном направлении – к окну. Просто все так к этому привыкли, что по-другому и не ставили.

– Странно! – повторила она.

Чайник закипел, Ника заварила чай, достала из шкафчика варенье, выключила воду в ванной и, с удовольствием выпив чаю с вареньем, отправилась «заплывать», как она называла прием ванны.

Належавшись до одури в горячей пенной ванне, с радостью облачившись в чистый банный халат, она двинулась обходить свои «хоромы».

Чем больше Ника ходила по квартире, тем больше в ней нарастали непонятное беспокойство и тревога.

– Что за черт? – спросила она «хоромы».

Ее не отпускало ощущение, что здесь были чужие люди, кто-то посторонний, как бывает, когдаходишь в любимый дом и с порога чувствуешь, что был кто-то чужой, какие-то гости, они давно ушли, не оставив даже запаха и следов, – но ты все равно точно чувствуешь, что кто-то был.

Затянув пояс халата потуже, она двинулась на второй круг обхода, более внимательно присматриваясь к мелочам.

Расшитые диванные подушечки лежали не так, ваза, всегда стоявшая на подоконнике, сейчас оказалась на столе, Сонино любимое кресло было передвинуто. Ника обнаружила кучу мелочей, которые были передвинуты, перевернуты или переложены, например фото-

альбомы. Тяжелые, старые, еще довоенные, в настоящем кожаном переплете, они всегда лежали в определенном порядке, который сейчас был нарушен.

– Милка, что ли, порядки наводила? – Она специально громко задала себе этот вопрос, чтобы успокоиться.

Ника чувствовала, что не Милка, а кто-то совсем чужой, враждебный, не из ее жизни, был здесь и все осматривал.

«Да зачем?! Кому это нужно!»

Ника торопливо проверила Сонечкины драгоценности – шкатулку с несколькими золотыми кольцами, цепочками, серьгами, какими-то безделушками – все на месте.

– Кому это нужно?! – теперь уже вслух спросила Ника. – Все здесь обыскивать, что искать-то? И ничего же не взяли – вон и телевизор на месте, и видик, и Сониная шкатулка! Может, все-таки Милка? – уговаривала она себя.

Милка была ее подругой, единственной и не такой уж задушевной, но все-таки подругой. Самой близкой была Сонечка и еще бабуля, собственно, Соня тоже была ее бабушкой, маминой мамой, но в семье ее всегда называли по имени, и никакого другого обращения к ней как-то не приживалось.

Ника вышла в прихожую, проверить, все ли там на месте, и споткнулась взглядом, телом, умом.

Страх ударил куда-то под колени, ноги сами собой подкосились; упершись спиной о стену и не отрывая взгляда от маленького столика, на котором стоял телефон, она съехала по стене и села на пол.

Исчезла телефонная книжка, старая, потрепанная, толстая от засунутых в нее разнокалиберных бумажек, на которых писались чьи-то телефоны и адреса, так как сама книжка была исписана от корки до корки. Она была, наверное, такой же старой, как и сам телефон – черный, квадратный, с тяжелой трубкой, еще довоенный, он так всем нравился, что никто даже и не пытался его поменять на новый.

Нике в детстве казалось, что из этой тяжелой трубки должен обязательно раздаться суровый мужской голос, который произнесет что-то вроде: «Сейчас с вами будет разговаривать товарищ Сталин».

Это папа как-то пошутил, когда она в возрасте трех или четырех лет придвигала табурет к столику, двумя руками поднимала трубку, прикладывала ее к уху и зачарованно слушала гудок. Кто такой «товарищ Сталин», тогда она не знала, но ей казалось, что на такой телефон он всенепременно должен позвонить.

Периодически мама или папа начинали «шуметь», пытаясь найти нужный номер в книжке, очередной раз возмущаясь, что пора завести новую и аккуратно все туда переписать, в этой же просто невозможно что-либо найти, и бумажки разлетаются, и это не книжка, а Бермудский треугольник какой-то, но нужный номер, наконец, находился и про новую книжку благополучно и надолго забывали, до следующего нервного поиска нужного номера. Два раза в году Соня наводила в ней порядок, который сводился к тому, что все записочки с адресами и телефонами подкладывались под соответствующие буквы на страничках, но уже через месяц непонятным образом они умудрялись перекочевывать куда угодно, только подальше от нужной буквы.

Ника смотрела на пустое место на столике, где должна была лежать и не лежала эта замечательная книжка.

Неожиданно и громко зазвонил телефон, больно ударив резким звуком в перепонки. Ника резко поднялась, от этого движения у нее закружилась голова, и боль ударила в виски. Надавив на виски пальцами, она уставилась на телефон.

«Сюрприз! – как любят говорить американцы, вяло, как через тягучую вату, образовавшуюся в мозгу, подумала она. – Вот тебе и сюрприз! Как-то их много на мою голову, на

мою голову вообще всего слишком много в последнее время! И в не последнее тоже. Или так неправильно говорить? О чем ты думаешь, идиотка?!»

Телефон все звонил и звонил, методично, настойчиво, выдерживая долгие паузы между гудками.

Ника дернулась всем телом от неожиданности, резко выдохнула, скидывая оцепенение и испуг, и, разозлившись на себя за глупости напридуманные, резко сняла трубку.

– Слушаю вас, – четко выговаривая слова, ответила она.

– Здравствуйте! – поприветствовал ее спокойный, ровный мужской голос. – Вероника Андреевна?

– Да.

– С возвращением вас!

– Спасибо. С кем имею честь беседовать? – Голос ей сразу не понравился, и она точно знала, что ничего хорошего от него не услышит.

– Меня зовут Михаил Иванович, но мое имя вам ничего не скажет, главное, что я знаю вас.

– И вы от меня чего-то хотите, – констатировала Вероника Андреевна с нескрываемой неприязнью.

– Всегда приятно, когда твой оппонент умный человек! – обрадовался он.

– Пока я еще вам не оппонировала.

– Надеюсь, что и не будете. Видите ли, Вероника Андреевна, вам жизненно необходимо отдать то, что вам, по сути, не принадлежит, но досталось по наследству, – мягким, но настойчиво-предупреждающим тоном пояснил господин.

– Это вы были у меня дома и все тут перерыли?

– Да, это были мои люди, каюсь. И на Земляном Валу тоже были, уж извините великодушно, они были очень аккуратны и никакого вреда вашей собственности не нанесли. У вас ведь ничего не пропало и беспорядка нет?

Она старалась понять, что происходит, и ничего не могла придумать.

На Земляном Валу находилась квартира бабули. Дом стоял не на самом Садовом кольце, а внутри двора, за домами, старый сталинский добротный дом. Шум от Садового днем и ночью проникал в квартиру и завораживал маленькую Нику, когда она иногда оставалась там ночевать. Бабуля последние годы все больше раздражалась от бесконечного шума и суеты машин, людей, близкого Курского вокзала и все удивлялась – всю жизнь жила и не замечала, а к старости стало нервировать, просто город стал другой, машин больше, люди крикливее. Пришлось ставить стеклопакеты на окна с тройными стеклами, чтобы ей было спокойнее.

Сейчас бабуле вообще покойно, потому что она умерла.

– Вы можете не беспокоиться о смене замков, – отрывая ее мысли от бабули, произнес загадочный Михаил Иванович. – Замки у вас хорошие и двери хорошие, просто мои специалисты могут открыть любые двери.

– Не буду беспокоиться, – ответила Ника.

Страх не было, ну не было, и все тут! Она как-то не могла бояться после того, что уже перенесла, и потеряла, и пережила.

Нет, все-таки был страх с самого начала, когда она обнаружила пропажу книжки. Даже и не страх, а растерянность непонимания, что ли.

– Вернемся к нашей проблеме, – пробасил Михаил Иванович.

– А у нас с вами проблема?

– Да, милая барышня, и еще какая! – порадовался чему-то странный господин.

– Судя по тому, что вы звоните, обыск не дал ожидаемых результатов?

– Совершенно верно! Из чего следует вывод, что о месте нахождения интересующих меня вещей знаете только вы.

– А какие вещи вас интересуют? – оживилась Ника.

– Ну не надо, Вероника Андреевна! – недовольно протянул он.

Ника как будто увидела, как он скривился от этого самого недовольства.

– Мы так мило беседовали, вы произвели на меня впечатление умного человека, и вдруг такие несерьезные игры, – попенял чуть ли не по-отечески собеседник.

– Простите, Михаил Иванович, что разочаровала вас, но я на самом деле не понимаю, о чем идет речь, – вернула его к отстраненно-неприятному тону Вероника.

– Речь идет о наследстве. Вы ведь единственная наследница вашей семьи.

– О каком наследстве? Квартира, машина, загородная вилла, счет в швейцарском банке? – Нику начал раздражать этот слащаво-приторный бас.

– Господь с вами! Никакие ваши квартиры меня не интересуют, а машины, виллы и счета в банке у вас нет, даже дачи захудалой нет, любезная Вероника Андреевна!

«А вот здесь ты ошибаешься!» – с удовольствием и детской наивной радостью из серии «обманули дурака на четыре пятака!» подумала она и добавила: – Козел!»

– Уж извините, но пришлось наводить справки о всей вашей жизни.

– Нет, не извиню! Если вас не интересует мое движимое и недвижимое имущество, то чего вы все-таки хотите?

– Вам по наследству достались некие документы и слитки.

– Драгоценных металлов? – попыталась шутить она.

Не получилось. Не шутилось как-то. Вот он точно не шутил!

– Именно, слитки драгоценных металлов. Повторюсь: по сути, эти вещи не принадлежат вашей семье, и их необходимо отдать.

– Вам.

– Мне.

– А вам они принадлежат?

– Милая барышня, давайте не будем препираться! Я уже говорил, что вам небезопасно держать их у себя. Реализовать каким бы то ни было образом вы их не сможете, да вам никто и не даст этого сделать. Уверен, что вы толком-то и не знаете, что делать с этим добром. Давайте облегчим жизнь друг другу. Честное слово, вы милая девушка, и мне совсем не хочется вас обижать и применять жесткие меры. Все равно мы это заберем, так давайте обойдемся без жертв!

– Без жертв – это замечательно! Но, к сожалению, ни о каких документах и слитках мне ничего не известно. Вот честное пионерское! Я не шучу и не пытаюсь вас обманывать, я просто не знаю! – разозлилась в один миг, резко, как кот Леопольд из известного мультика, Ника.

– Вполне возможно, я вам даже верю, – успокоил он ее. – И допускаю, что бабушка ничего вам не говорила. Но так как это очень ценные вещи, она наверняка оставила информацию для вас о том, как и где это найти.

– Но вы же были у меня дома и у нее и наверняка просмотрели все документы, письма, и что, никаких намеков?

Она врала! Пачка бабулиных писем, в том числе адресованных ей лично, перевязанных красивой ленточкой, лежала у нее в сумке, и еще маленький ключик от банковской ячейки, спрятанный за подкладку, и стопка документов на дом.

Неожиданный радостно-печальный дом. И вот про этот-то дом «многоумудрому» Михаилу Ивановичу ни черта не известно!

Что, собственно говоря, радует!

«А чего ты радуешься? Ну не будешь же ты на самом деле искать какие-то документы и мифические слитки! Вообще какой-то сюрреализм, плохое кино с претензией на детектив! Идиотизм полный!» – возмутилась про себя Ника.

– Вы правы, мои люди ничего не обнаружили. Поэтому вам надо начинать поиски с чего-то другого. С ее друзей, подруг, каких-то родственников. Соображайте сами, это вопрос вашей личной безопасности, спокойствия и целостности.

– Да не буду я ничего искать! Вам надо, вы и ищите! Какое мне дело до всего этого! Да, и верните мою записную книжку!

– Книжку мы вам вернем, а вот голос повышать не надо! – жестко, с угрозой произнес Михаил Иванович. – Значит, так, Вероника Андреевна, даю вам три дня на поиски! И если вам дороги ваша жизнь и здоровье, то вы очень постараетесь что-нибудь найти. Мне совсем не хочется вас калечить, вы милая барышня, правда, сильно похудели после больницы и почему-то ходите голая по кухне, а я люблю более полненьких и скромных. – И он положил трубку.

Ника все прижимала трубку к уху, слушая навязчивые, раздражающие гудки отбоя, как будто ждала, что вот уж сейчас точно «будет говорить товарищ Сталин».

Она очнулась и прокричала:

– Идиот! – И кинула ни в чем не повинную трубку на аппарат, создав невероятный грохот раритетного телефона, эхом пролетевший по всей квартире. – Да иди ты, куда в таких случаях идут! Я даже думать об этом не собираюсь! Я лучше квартиру уберу после твоих людей! И еще мне нужны продукты! Вот и займусь делом.

Но думать все-таки пришлось.

Мысли сами лезли ей в голову, как навязчивая детская игрушка-ходок, которую заводил маленьким железным ключиком и она двигается вперед – дын-дын-дын, издавая однообразный жужжащий звук. Ты переставляешь ее на другое место, и она опять – дын-дын-дын, двигается вперед. И лезет и лезет! Пока не закончится завод. У Ники были такие в детстве, зеленый лягушонок и маленький солдатик. Солдатик был только у нее, его привезли в подарок какие-то друзья родителей, которые приехали из непонятной ей тогда и загадочной «заграницы». Лягушонков было полно, а вот солдатик только у нее одной.

Судя по всему, этот дурацкий Михаил Иванович был тем самым ключиком, который завел ее мысли, и теперь они лезли, лезли и лезли ей в голову и никак не хотели оттуда выкидываться.

Она думала не переставая, пока ходила в магазин за продуктами, ощущая чей-то взгляд, прожигавший дырку в позвоночнике, между лопаток.

«Параноя какая-то!» – резко крутила она головой, уговаривая себя, что это бред полный и чья-то неумная шутка.

Но думала эти растреклятые мысли, выдраивая квартиру – сантиметр за сантиметром, добавив в воду едкого моющего средства с хлором, чтобы уничтожить даже тень воспоминания о присутствии чужих людей.

От усталости, напряжения и этих самых мыслей у нее мелко тряслись мышцы, кружилась и все больше и больше болела голова.

Ника перемыла все на свете – мебель, посуду, холодильник, который Милка отключила по ее просьбе, когда приходила за вещами для Ники. Она перестирала все покрывала, шторы, даже коврик из прихожей, стиральная машина гудела не переставая, с трудом переноса такие нагрузки.

А когда остановилась и осмотрелась, оказалось, что мыть и чистить больше нечего, а за окном глубокая ночь. Она сняла с себя одежду, в которой убирала, джинсы и футболку, и затолкала их в машинку.

– Ну извини, последний раз! – попросила она прощения у стиралки и залезла в ванну.

На этот раз без пены и даже без воды! Она просто села в пустую холодную ванну и пустила воду, открыв оба крана до упора. Ни на что другое у нее не было больше сил.

Силы остались только на мысли, которые все так же навязчивым механическим лягушонком в паре с солдатиком лезли в голову.

«Вот черт!»

Она поймала себя на том, что стала ругаться.

«Наверное, у меня меняется характер», – уныло подумала она.

Ника никогда не ругалась, в этом просто не было необходимости, не ругалась не то что матом, а вообще. Не чертыхалась, не говорила и даже никогда не думала слова из разряда «козел» и «да пошел ты!».

Что с ней происходит?

Она всегда была спокойной, интеллигентной девушкой. Не в том смысле интеллигентности: «Фи, какая гадость!» и оттопыренный мизинчик на ручке чашечки, а в смысле отсутствия агрессии и глупости внутри себя, невзирая на все несчастья, свалившиеся на нее. Никто и никогда в их семье не запрещал ей самовыражаться как угодно – хоть панком становись, хоть рокером, только мыслить здраво не переставай, а так – пожалуйста! Мыслить здраво она не переставала, а даже очень в этом преуспела, не став ни панком, ни рокером, даже влюбленной дурочкой никогда не была, и на танцы не бегала, и не сохла ни по одному мальчику или, еще хуже, артисту какому-нибудь.

Она избежала всех ужасов подросткового возраста и всего проистекающего из этого. Ника с радостью неслась домой, так ей было там хорошо и уютно и счастливо с мамой, папой, Сонечкой, всегда весело, шумно, радостно, и главное – интересно! Родители вечно что-то придумывали необыкновенное. Розыгрыши, какие-то игры с призами, просто поездки «черт-те куда, к нему самому на кулички!», ворчала бабуля, когда они вчетвером на их машине заезжали за ней на Садовое. Ворчать ворчала, но всегда соглашалась ехать. Они смеялись всю дорогу, дурачились, пели песни и, останавливаясь в понравившемся месте, устраивали пикники.

Ника старалась как можно больше времени проводить дома, с семьей, поэтому и не ходила ни в какие кружки или, не дай бог, в музыкальную школу. Вязать, вышивать и замечательно готовить ее учила Сонечка, а играть в карты, строить глазки и «уметь дать отпор нахалу» – бабуля. Так что обошлось без кружков.

Ника словно чувствовала, что это счастье очень скоротечно и надо успеть все прожить, не растрчивая время на ненужные, неинтересные увлечения, присущие ее сверстникам.

Когда Нике было шестнадцать лет, ее родители разбились на машине.

Насмерть.

Она так и спросила у Сони.

Ника пришла домой после школы и, едва переступив порог, почувствовала сразу, поняла всем нутром, что случилось горе. В прихожую вышла Соня и, рыдая, сообщила страшное.

– Как разбились? – окаменев от ужаса, переспросила Ника. – Насмерть?

И у них троих началась новая жизнь. Не новая, а другая, совсем другая.

* * *

Ника смотрела, как убегает вода через верхний сток в ванной. Надо было дотянуться до кранов и выключить воду, но сил не было, она и попыток не делала.

– Просто у меня началась другая жизнь, поэтому я стала ругаться, – сказала она.

Если бы она могла, она бы зарыдала. И рыдала бы долго, горько, не вытирая слез и не пытаясь их остановить.

Так жалко ей стало себя!

Так непереносимо, щемяще жалко! До утробного воя бессильного!

Вот никогда не было, а тут вдруг стало.

Когда хоронили родителей, она не плакала. Обе бабушки, их друзья и подруги, все, как сговорившись, по очереди, подходили к ней, обнимали, успокаивающе поглаживая, и тихими голосами уговаривали:

– Ты поплачь, деточка, тебе легче станет!

Но она знала, что легче не станет уже никогда, и переживала свое горе внутри, без слез. Она дала себе слово, что не будет плакать от горя, вот никогда в жизни!

«Плакать я буду только от счастья, а это горе я выплакать не смогу, у меня слез не хватит!» – решила шестнадцатилетняя Ника.

Последние месяцы бабулиной жизни сдержать данное себе тогда слово стало как-то очень трудно. Ника видела, чувствовала надвигающуюся неотвратимость ухода последнего родного человека, и ей приходилось огромным усилием воли сдерживать рвущиеся слезы.

А потом она осталась одна, совсем одна!

И это чувство навалилось на нее в день похорон таким жестоким откровением, как будто хоронили всю ее жизнь вместе с бабулей.

Может, так оно и было.

«Нет, не одна! У меня обнаружился дедушка, родной! Никогда у меня не было ни одного дедушки, и вдруг обнаружился! И собака, по кличке Апельсин, которая, оказывается, меня знает всю свою собачью жизнь и всегда меня ждала! Вот! И это счастье! У меня такой замечательный, чудесный дедушка!»

У дедушки на груди, забыв детские обещания, она и выплакала все свои горести.

– Нет, о дедушке я сегодня думать не буду! Я буду думать о нем в хороший день, а не тогда, когда мне угрожают по телефону. А еще лучше я к нему поеду!

Ей стало хорошо и спокойно от воспоминаний о дедушке, доме, собаке.

– Никакая он не собака, а пес, или, вернее, кобель, но очень большой, просто огромный, не пес, а лошадь какая-то!

Подбадривая себя разговором и прогоняя отчаяние изнутри, она попыталась шевелиться в воде.

Получалось плохо.

– Надо же отсюда как-то выбираться!

Чувствуя себя распухшей от усталости, воды и навязчивых мыслей и воспоминаний, запретных, непростых, кое-как, постанывая и кряхтя, она вытащила себя из ванны, выключила наконец воду и выдернула пробку. С трудом вытерла волосы и, заворачиваясь в полотенце – халат-то она тоже постирала, вдруг замерла от неожиданной мысли:

– Стоп! Он сказал: похудели и ходите по кухне голой, значит, он за мной наблюдает! Он видит мою квартиру!

Она присела на бортик ванны и потеряла неосознанным движением лоб.

«А вот это провал! – как говорил Штирлиц!»

До этого момента она как-то умудрялась себя уговаривать, что это несерьезно, что все это глупость какая-то, может, кто-то так шутит. Но сейчас вся пугающая странность ситуации увиделась ей четко и ясно.

«Это не банальные воры или аферисты, это действительно серьезные люди, и уж точно профессионалы – вон как квартиру обыскали! Так! Спокойно! Ты же умная девочка, ты что-нибудь придумаешь! Надо все обдумать, в мелочах. Весь телефонный разговор. Да! Кстати, а почему они не требовали этого у бабушки, когда она жива была? Значит, не знали, так получается? Чего проще припугнуть старую женщину. Да, сейчас! Бабулю черта с два чем припугнуть можно было!»

Ника усмехнулась, вспомнив бабулю и ее характер, но улыбка тут же сбежала с губ.

«Мной! Ее вполне можно было припугнуть мной, вернее, обещанием всяких ужасов, которые со мной сотворят. Она бы все отдала, сразу, без разговоров. Значит, все-таки не знали и узнали не так давно, а точнее, в течение последних пятидесяти дней. То, что случилось со мной, – это не они, точно, им просто очень повезло, что я в больнице валялась и они могли не торопясь провести обыск».

Ника прошла в свою комнату, собрав последние силы, постелила чистое белье и рухнула на кровать, кое-как натянув на себя одеяло.

«Значит, все началось приблизительно тогда, когда я попала в больницу».

Больше ничего подумать она не могла, спала.

Был сороковой день после смерти бабули.

Ее похоронили рядом с Сонечкой. Они дружили всю жизнь, с детства, и их дети – бабулин Андрюша и Сонечкина Надечка – полюбили друг друга и поженились, и могилы их детей были рядом с ними, через дорожку.

«Вся моя жизнь теперь – это сплошное кладбище», – без боли и обиды на нее, ту самую жизнь, думала Ника. Она принесла целую охапку цветов, для всех. Она всегда приносила на кладбище много цветов. Сердобольные старушки, сидящие у кладбищенских ворот и торговавшие всякой мелочью от цветочной рассады до пластмассовых роз, вздыхали ей вслед: «Бедное дитятко, всех похоронила». Ника старалась пройти мимо них как можно быстрее, ей совсем не нужна была чужая жалость. Ей казалось, что кто-то подсматривает с любопытством в ее жизнь, когда с сочувствием вздыхает.

Она расставила цветы на всех четырех могилах, поговорила с ними, рассказала о своих делах житейских и сообщила самую важную новость – о дедушке.

– Бабуля, – попеняла она, – что же ты раньше не рассказала о нем? Он такой замечательный! Что же ты молчала-то?

Ника немного стушеввалась, – не ее это дело, это была бабулина тайна и только их с дедушкой личные отношения.

– Ну, извини! – покаялась она. – Но за такой подарок огромное спасибо! Ты всегда была сплошной сюрприз и даже после смерти устроила внучке праздник!

Ника неторопливо шла с кладбища и думала о бабуле, о дедушке, о том, что сейчас поедет к нему, и они устроят поминки, и он будет рассказывать ей о бабуле то, чего она никогда и не знала. А Апельсин будет лежать возле нее на полу и греть горячим боком ее ноги. И будут потрескивать дрова в камине, и не будет в этом никакой печали и горести, а только тихая грусть и теплая радость от воспоминаний.

Ей звонили бабулины подруги, говорили, что устраивают поминки у Марии Гавриловны дома, на кладбище не пойдут, нет сил по такой погоде, а поминки устроят, так что они ее ждут. Ника, извинившись, отказалась и, чувствуя вину за то, что обманывает милых пожилых женщин, объяснила, что хочет побыть одна.

– Конечно, деточка, мы понимаем. Только негоже молодой девушке так тосковать. Кирочка была жизнерадостным, позитивным человеком, ей бы это не понравилось.

Кирочка – это ее бабуля, ее звали Кира Игоревна. Она всегда посмеивалась, что ее имя в сочетании с отчеством звучит как детская дразнилка, «катается на языке».

Ника тряхнула головой, отбрасывая воспоминания, и обнаружила, что довольно много прошла по проспекту, так, что даже устали ноги. Если она собирается за город, то надо поспешить на электричку, иначе до дедушки доберется к ночи.

Она остановилась у светофора, чтобы перейти на другую сторону проспекта. Переход был неудобный – длинный, и ждать пришлось долго. Был, конечно, и подземный переход, но

до него далеко идти, и потом ей совсем не хотелось спускаться в него, нюхать «чудесный», стойкий запах, неизменно присутствовавший во всех переходах.

Ника поеживалась, она замерзла, и ноги совсем окоченели, а сапожки были перепачканы.

Ну, еще бы! Конец февраля. Самое не любимое ею время года.

В Москве ужасная весна, слякотная, снег везде черный, навален грязными кучами вдоль дорог и тротуаров. Огромные, тоскливые, черно-снежные кучи, таящие в себе залежи отходов, скрытых зимой и открывающихся во всей «красе» в весеннее таяние. Чавкающая жижа под ногами и мусор, мусор...

«Это у меня настроение такое, только плохое замечаю. Нет бы что-то хорошее увидеть, вон, кстати, какая замечательная машинка! Просто чудо!»

Машина, которую она заметила, остановилась вместе с остальными возле перехода на желтый свет, на третьей с противоположной стороны полосы. Это был фольксвагеновский «жук» ярко-желтого цвета, раскрашенный по низу кузова. Рисунок был удивительный, радостный – зеленая трава, бабочки, жучки.

Ника засмотрелась. Светофор мигнул, переключаясь и высвечивая зеленого идущего человечка.

Людей, ожидавших перехода, собралось много, они быстро двигались. Ника пошла помедленнее, рассматривая веселенький рисунок на кузове. Она уже почти дошла до середины перехода и до веселой машины, ей оставалось несколько шагов, когда в уши ударил визг тормозов и чьи-то крики.

Переходившие вместе с ней дорогу люди шарахнулись в разные стороны, и она осталась одна на небольшом пространстве. Не сразу поняв, в чем дело, Ника повернула голову и увидела несущуюся на нее машину.

Она не особенно разбиралась в марках машин, такую, наверное, называют «спортивного типа» – низкая, широкая, ярко-красного цвета, похожая на присевшего перед прыжком хищника.

Прыжком на нее, Нику!

Она ее не видела! Все видели, а она нет, она рассматривала веселого раскрашенного «жука»!

Неотвратимость несчастья замедлила ход времени, воздух вокруг нее стал тягучим, как мед, сделав невозможным любое движение.

Ника очень ясно видела лицо водителя, сидевшего за рулем красного хищника. Это был совсем молодой юноша, почти мальчишка, от страха и неизбежности столкновения, которую он уже осознал, лицо его было совсем белым, даже губы и нос сливались в одну сплошную страшную маску, на которой горели от ужаса глаза.

Думать и оценивать ситуацию было так же трудно, как и двигаться.

«Надо сделать шаг вперед!» – отдала себе приказ Ника.

«Быстрее, быстрее! Всего один шаг!»

Но красный хищник был проворнее ее!

Сильный удар в левую ногу подбросил ее на капот красного зверя! Но ему этого было мало, он как-то тряхнулся всем телом, скидывая с себя уже побежденную добычу, и Ника полетела по какой-то невероятной дуге – вверх и куда-то в сторону.

«Может, так оно и лучше?» – подумала на секунду она.

И в этот момент на нее обрушилась боль!

Невероятная, во всем теле сразу, и голова ударилась об асфальт с громким стуком.

«Какой неприятный звук», – промелькнула последняя мысль, перед тем как на нее опустилась темнота.

Но темнота сразу сменилась ярким, каким-то нереальным светом, в котором она увидела себя, лежащую на асфальте, людей, склонившихся над ней, красную машину, из которой кое-как выбрался водитель и сел прямо на дорогу, опершись спиной о колесо.

Люди шумели, возбужденно обсуждали происшествие, какой-то мужчина звонил по сотовому, вызывая скорую и милицию. Женщина лет пятидесяти отталкивала людей, склонившихся над Никой, и кричала:

– Я врач, не трогайте ее, у нее может быть травма позвоночника! Расступитесь, ей нужен воздух!

Она встала перед Никой на колени, прямо на грязный асфальт, взяла ее за руку и, проверяя пульс, подняла ей веко. А Ника пожалела красивое светлое пальто этой женщины, полы которого елозили по грязному асфальту. «Зачем, не надо, вы испачкаетесь!» – попыталась сказать она женщине-врачу, но звук не получался, а голос говорил только у нее в мозгу. Ника спустилась поближе, ей хотелось рассмотреть себя.

«Я же в полном сознании! – поняла вдруг она. – Я помню все про себя, и думаю, как я, и чувствую! Почему же я сразу в двух местах? И я совершенно не чувствую своего тела, никаких физических ощущений! Я что, умерла?!»

Она услышала рев сирены, подъехала «скорая помощь», из машины выбежали люди в голубой униформе. Женщина поднялась с колен и стала что-то им объяснять. Теперь перед Никой на колени опустился врач «скорой помощи», он стал ее осматривать, расстегнул ее пальто.

Ника не хотела смотреть, что с ней делают, поэтому поднялась выше, увидела милицейскую машину, двух милиционеров, подошедших к водителю, так и сидевшему у колеса.

«Ну что ж, пусть так и будет! Мне не за кого здесь держаться, и никто не позовет меня назад. Только дедушку жалко, но жил же он как-то без меня раньше. Уходить так уходить».

Вдруг ее стремительно куда-то понесло.

Улицы, дома, проспекты пролетали мимо с огромной скоростью. День сменился вечером, а за ним сразу наступила ночь. Скорость все увеличивалась, Ника не различала пролетавших внизу домов, а свет фар едущих машин слился в две яркие линии, красную и желтую.

И внезапно этот стремительный полет остановился, в один момент!

Ника осмотрелась и поняла, что находится в чьей-то незнакомой ей квартире, в кухне. Глубокая ночь, между тремя и четырьмя часами, самое тяжелое в сутках время – время смертей, – почему-то она это знала: и про точное время, и про его смертельную тяжесть. В кухне темно, собственно, темно было везде.

Возле окна стоял высокий, худощавый мужчина, одетый только в брюки, босиком и думал о чем-то своем, глядя на улицу. В одной руке он держал кружку с остывшим уже чаем, вторая рука была в кармане брюк.

Он повернулся, присел бочком на подоконник, поставил рядом кружку и, взяв пачку сигарет и зажигалку, лежавшие там же, на подоконнике, возле пепельницы, закурил.

Ника удивилась – было очень темно, но она отчетливо видела черты его лица, фигуру, даже легкую игру мышц, когда он двигался.

Ему, наверное, около сорока лет – может, меньше, может, больше. Густые русые волосы, не короткие, но и не длинные, высокий лоб, слегка изогнутые брови, прямой нос, красиво очерченные губы, твердый подбородок, морщины между бровями и в уголках губ, лицо волевого, сильного мужчины, самое обыкновенное, вот только глаза! Серые, в обрамлении густых черных ресниц, внимательные и... и пугающие до жути знаниями сокрытыми, виденным и пережитым и болью незажившей! От него исходила глубокая, какая-то усталая грусть.

Ника почувствовала, что ей необходимо находиться как можно ближе к нему. Она придвинулась и услышала его мысли, даже не сами мысли, она их не читала, а как бы про-

чувствовала, проживала вместе с ним его ощущения, течение этих мыслей. Ей захотелось отстраниться от боли, которую он переживал, но она не смогла, точно зная, что именно поэтому она здесь и находится.

Он чувствовал себя бесконечно одиноким, уставшим, как будто прожил не одну жизнь. Наверное, так оно и было, потому что вместить в себя столько, сколько видел и пережил этот человек, невозможно в одну жизнь.

Он устал от переживаний, так и не научившись не пропускать через себя боль и страх других людей, часто зависящих от его способностей и его ответственности. Он устал от пустых отношений с женщинами, пустого бесчувственного секса, от потерь друзей, от самого себя и своего смирения перед честными мыслями.

Он давно понял, что, будь у него семья, он не стоял бы сейчас, ночью, у окна после бурного секса с совершенно ненужной и, по сути, чужой ему женщиной, мучаясь от пустоты, неизменно наступавшей после таких свиданий, а мирно спал, прижав к боку любимую жену. Но история не приемлет сослагательных наклонений типа «если», да и он давно смирился, что семья – это не для него, кому-то везет, а вот ему не дано.

Он был сильным человеком и давно научился справляться с наваливающимся иногда такими же темными, как сегодня, ночами чувствами одиночества, усталости и непонятной темной тоски.

Неожиданно у него защемило сердце, сильно, как будто кто-то сжал его тисками, и он каким-то седьмым или десятым чувством понял, что именно сейчас где-то обрывается единственная и самая главная в его жизни нить. Что сейчас уходит, исчезает то важное, что, оказывается, и держало его на земле и спасало в самых безвыходных ситуациях.

Ника закричала, чувствуя эту боль, как свою, но ее крик не услышал ни он, ни она сама. Стараясь помочь ему и себе, она придвинулась совсем близко, заглянув в глубину этих серых глаз.

И все поняла!

Ощущение потери и безысходного отчаяния почти накрыло его с головой, и тогда он, прикрыв глаза и запрокинув голову, попросил шепотом:

– Не надо, Господи!

В то же мгновение какая-то сила понесла Нику назад, так быстро, что она никак не могла глотнуть воздуха, чувствуя, что вот-вот задохнется. Она все втягивала, втягивала воздух, но вдох так и не получался, она закричала и наконец, хрипя, вдохнула, ощутив жуткую боль во всем теле.

Ника закашлялась и попыталась сесть, но чьи-то руки ее удержали. Издавая какие-то надсадные хрипы, она вдыхала и выдыхала, не понимая, где находится и что с ней.

– Ну, слава богу! С возвращением!

Над ней склонился тот самый врач из скорой, которого она видела возле себя, там, на переходе. Он был весь мокрый – мокрая прядь волос падала ему на лоб и рубашка на груди вся промокла.

– Почему вы мокрый?

Говорить было трудно, очень трудно. Звук получался еле слышным, хриплым, тяжелым.

– Так вас, красавица, с того света вытаскивал! Вспотел, знаете ли! – рассмеялся доктор.

Ника посмотрела вокруг и поняла, что находится в движущейся машине скорой помощи.

Она улыбнулась доктору и попыталась что-то сказать, но звуки не получились.

– Что, милая? – спросил он, став сразу озабоченным, видимо, решил, что она хочет пожаловаться на боль.

– Все будет хорошо! – с третьей попытки сказала Ника и улыбнулась.

– Обязательно! В моей практике такое впервые, когда только что вернувшийся с того света человек улыбается и меня же успокаивает! Фантастика! Вы, девушка, уникум – такой полет, сильнейший удар, клиническая смерть, а она улыбается! У вас ни одного перелома, сильное сотрясение, возможны внутренние повреждения, остановка сердца от шока. Вы в рубашке родились!

Ника улыбалась почти, не слушая его, она точно знала, что никаких внутренних повреждений у нее нет. Знала тем самым знанием, которым была наделена на короткое время, еще несколько мгновений назад.

Она пролежала в больнице пятьдесят дней. Первые дни этого лежания Ника почти не помнила, ей все время хотелось спать, но спать ей не давали и будили через короткие промежутки времени.

Потом ей объяснили, что так положено делать, когда у человека сильное сотрясение мозга. Ей постоянно что-то кололи, ставили капельницы, возили на каталке на всякие исследования: рентген, УЗИ, какие-то процедуры, доставляя этими транспортировками ужасную боль.

Все ее тело превратилось в один сплошной синяк, смотреть на это было невозможно, она и не смотрела, потому что пребывала в странном сонно-бессознательном состоянии, а когда немного пришла в себя и смогла рассмотреть, то рассмеялась – она вся была желто-зеленого цвета, какой приобретает синяк, когда уже сходит.

Один раз ее даже возили на томографию головы – через длинный коридор, на лифте на другой этаж и еще через один длинный коридор, как в американском сериале «Скорая помощь», где постоянно кому-то делали ту самую загадочную томографию, теперь переставшую быть для нее загадочной.

За тридцать дней ее организм исследовали вдоль и поперек, как какую-то археологическую раскопку, имеющую важное историческое и мировое значение. У нее скопилась целая охапка рентгеновских снимков, анализов, еще всяких снимков, еще анализов, заключений врачей к снимкам и анализам.

Через тридцать дней врачи махнули на пациентку Былинскую рукой, с сожалением, как ей показалось, не обнаружив у нее никаких патологий или серьезных заболеваний. Но из больницы так и не выписали, надеясь, наверное, что-то все-таки найти.

Голова болела все время. Тяжело, тягуче, то тупой, ноющей болью, то какими-то только ей понятными взрывами. Но сутки на тридцать пятые боль стала проходить, постепенно оставив ее совсем.

Ника страшно переживала – как там дедушка?

Он ее ждал в этот день, и сообщить ему некому, и телефона у него нет, а чтобы позвонить, надо идти на станцию. Он, конечно, ходил, звонил ей, она точно знала, и сейчас, наверное, страшно беспокоится.

Милке о дедушке она не стала рассказывать, ни к чему, раз это их с бабулей тайна, пусть пока ею и останется, а там посмотрим. Но как ему сообщить, что она жива и, в общем-то, относительно здорова?

Как только Нику привезли в больницу, ее спросили, кому сообщить, но не могла же она сказать про дедушку, поэтому назвала телефон Милки.

Милка, спасибо ей большое, прибежала сразу, потом навещала все время и домой к ней съездила – вещи взять и холодильник отключить.

Недели через две после ее знаменитого теперь на всю больницу полета по красивой дуге от капота машины на асфальт к ней пришел посетитель.

Богатый, что было видно по всему – ухоженные руки, покрытые бесцветным лаком ногти, дорожные часы, под стать часам костюм и туфли; очень усталый какой-то безна-

дежной, отупляющей усталостью дядька лет шестидесяти. Благородная седина, уложенная в дорожную прическу – волосок к волоску, благородно-сытые черты лица, неторопливая речь, низкий голос. И никакого намека на высокомерие, то ли в силу той самой усталости, то ли в связи с обстоятельствами.

– Дорогая Вероника! – начал он свою речь, присев на стул возле ее кровати и поправляя съезжающий белый халат, наброшенный сверху пиджака. – С прискорбием должен представиться – я отец того самого идиота, который вас сбил. Меня зовут Евгений Александрович. Как вы понимаете, я к вам с нижайшей просьбой, можно сказать, мольбой – не пишите на него заявление в милицию, очень вас прошу! Конечно, я все компенсирую – и лечение, и лекарства какие угодно, и моральный, и материальный ущерб.

Ника смотрела на него, слушала, и ей странным образом вдруг стало его ужасно жалко.

Такой вальяжный, такой благополучно богатый, наверное, даже известный, судя по манере держаться, присущей людям публичным, и имеющий оболтуса сына, видимо позднего и безоглядно любимого, балуемого и изводящего этого старого льва дикими выходками или чем там дети изводят таких родителей.

– И часто вам приходится его выручать?

Он тяжело вздохнул, как-то расплылся на стуле, ссутулился, став сразу просто пожилым усталым мужчиной, придавленным невзгодами.

– К сожалению, слишком часто. Он попадал во всякие истории, но такого, как в этот раз, еще не было. Я человек известный, у меня определенный вес в обществе, репутация, да вы наверняка слышали о моем предприятии.

Он вытащил из кармана пиджака специальную серебряную коробочку для визиток, щелкнул маленьким замочком, достал карточку и протянул Нике.

Да уж! Это предприятие было очень известным, еще как известным! Информация о нем частенько появлялась на первых полосах газет и в программах телевидения.

Далее последовал рассказ о любимом и непутевом чаде, «радующем» родителей полным поведенческим набором выкрутасов богатенького мальчика-мажора и прилагающимся к нему «боекомплект» претензий и требований.

– Знаете, – помолчав, продолжил Евгений Александрович, – он не может спать после наезда, говорит, что все время видит ваше лицо, когда закрывает глаза. Он не выходит из дома, за руль вообще не может сесть, хотя пробовал несколько раз. Он не пьет, не глотает таблеток, не смотрит телевизор, только курит все время и молчит.

– Так, что ли, боится? – спросила Нина.

– Нет, он еще, по-моему, до конца не понял, что может попасть в тюрьму. – «Может» Евгений Александрович многозначительно подчеркнул голосом специально для Вероники. – Для него потрясение, что он убил человека, он ведь тогда подумал, что убил вас.

– Нет худа без добра, даст бог, теперь ваш сын остепенится, – попыталась подбодрить его Ника.

– Даже если остепенится, ему это уже не поможет.

– Почему? – удивилась она.

– Потому что его посадят! И не спасут никакие мои связи и деньги! Сейчас политика в стране другая, и именно потому, что он мой сын, его и посадят! У меня много врагов, которые всячески будут этому содействовать! Уже содействуют!

Он взял ее ладошку двумя руками, нагнулся поближе и заглянул в глаза.

– Вероника, ему нельзя в тюрьму, его там просто убьют! Он сопляк, дешевка, балбес, у него никакого характера, он не сможет себя отстоять! Если его не убьют, то сломают, точно!

– Может, он не совсем уж безнадежен, раз так переживает, что сбил человека?

– Может, но пока я не видел ни одного его мужского поступка.

– Евгений Александрович, что вы от меня-то хотите? Ну то, что не писать заявление, это я уже поняла, а что еще? Чтобы я его пожалела или вас?

– Да, пожалели, не его, меня! Мой адвокат говорит, что если вы напишете заявление, что никаких претензий не имеете, то его не посадят, дадут условный срок, лишат прав, и все!

Она молчала, чувствуя, как дрожат его руки, держащие ее ладонь.

– Приведите его завтра ко мне. Я с ним поговорю и тогда отвечу.

– Хорошо. – Он отпустил ее ладонь и тяжело вздохнул.

На следующий день они пришли – отец и сын.

Она спала и не слышала, как они вошли, и проснулась, когда здоровенный детина, скорее всего охранник, ставил два стула возле ее койки. Он старался делать это тихо, чтобы не разбудить Нику, но тихо при его габаритах не получалось.

– Здравствуйте, – поздоровался он, увидев, что все-таки разбудил потерпевшую.

– Здравствуйте, Вероника, – поздоровался из-за его плеча Евгений Александрович.

– Здравствуйте, – вежливо ответила она.

Ника была вежливой барышней, ее так Сонечка учила. Не всегда, правда, но старалась не забывать о хороших манерах.

– Это Алексей, – представил Евгений Александрович молодого человека, которого подтолкнул к ее кровати.

Ника его не узнала, хотя в момент столкновения запомнила его лицо в деталях. Но тогда его лицо было сплошной белой маской. Она внимательно его рассматривала – обычный юноша, с ничем не примечательной внешностью, с потухшими глазами и темными кругами вокруг них, скорее всего от бессонницы, о которой говорил его отец.

– Евгений Александрович, я бы хотела поговорить с Алексеем наедине.

– Конечно, конечно, – засуетился он и стал торопливо выталкивать охранника из палаты.

Ника лежала в одноместной палате, с комфортом, уж наверняка Евгений Александрович подсутился. Точно она, правда, не знала, а спрашивать не стала.

– Садись, – сказала Ника Алексею.

Она подтянула подушки повыше и села в кровати, устроившись поудобней.

Алексей сел на стул, упершись локтями в колени, сцепил пальцы рук и опустил голову. Он еще ни разу с того момента, как переступил порог палаты, не посмотрел ей в глаза.

– Придвинься поближе.

Он послушно передвинул стул к изголовью кровати.

– Посмотри мне в глаза, – попросила она.

Он поднял голову и посмотрел на нее. Они молчали, молчали и смотрели друг другу в глаза.

Между ними происходил странный молчаливый диалог – он просил прощения, пытался что-то объяснить ей и самому себе, обвинял себя и рассказывал, что не может найти нечто важное внутри, то, что обязательно надо найти, раскопать, иначе не понять, для чего ты вообще есть на земле, и что все чаще думает, что в нем этого и нет вовсе. А Ника – что поможет ему и его отцу, что не за что их наказывать и винить, у них свое горе – вот этот мальчик, несущийся на всех парах к некоему краю, за которым, может, и найдет то, что ищет, но, как правило, эти паруса несут к гибели.

Да и за что винить-то?!

Ей благодарить его надо! Потому что на один краткий миг она почувствовала, увидела, осознала, что во всей нашей жизни есть глубокий смысл, назначение некое, понять которое мало кому дано.

И что есть человек, который живет своей, параллельной с ее, жизнью, и пусть они никогда не встретятся, но они оба существуют в этом пространстве, и теперь она знает, что он есть.

Что мальчик, сидящий напротив, гораздо смелее, чем она, потому что ищет в себе этот смысл, мучается, бунтует, а она давно разуверилась, что в ней есть нечто важное и, махнув на себя рукой, запретила себе даже думать об этом.

– Ты его наказываешь за то, что он сильнее, умнее, целостнее и никогда, как тебе кажется, ты не станешь таким? – спросила Ника, продолжая вслух их молчаливый диалог.

– Да, отец настоящий мужик, и меня это бесит! Слушай, а как ты догадалась, ты что, ясновидящая?

– Нет, я потерпевшая, сбита твоим красным монстром. Кстати, отделался бы ты от этой машины, у нее свой характер, и она уже попробовала калечить людей, подозреваю, что ей это понравилось.

– Точно, экстрасенс какой-то, – усмехнулся он и расслабился.

«Так-то лучше!» – подумала Ника.

– Тебе сколько лет?

– Восемнадцать.

– Шел бы ты в армию, Леша!

– Не хочется, я в институте учусь.

– Да наплевать! Куда он от тебя денется! Иди, тебе полезно быть подальше от родителей, денег, дурных мыслей.

– Может, ты и права. – Он как-то сразу стал с ней на «ты», еще когда молча рассказывал о себе.

– Он тебя любит таким обалдуюм, какой ты есть, и можешь не стараться, никакие твои идиотства на его любовь к тебе ни повлияют, она просто есть, и все! Это называется безусловная любовь, то есть без всяких условий.

– Я знаю! Теперь знаю!

Он отвернулся, посмотрел, задумавшись, в окно.

Ника не мешала – пора бы уже мальчику подумать! Леша повернулся и, посмотрев ей в глаза, по-детски пожаловался:

– Я только не знаю, что мне теперь делать!

– Это решать только тебе, и выбор делать тебе, и разбираться со всем, что ты наворотил, тоже тебе.

– Ты не думай, я отвечу и в тюрьму сяду! – распетушился он.

– Ясно, – вздохнула Ника. – Папу позови.

Алексей подскочил так стремительно, что стул перевернулся и упал.

– Не надо! Не делай этого, не отмазывай меня! Я вообще был против, чтобы отец с тобой договаривался! Нечего меня жалеть!

– Ты пока сочувствия к себе не заслужил.

Она устала, в голову вгрызалась боль, с каждой минутой все больше и больше наливаясь свинцовой тяжестью.

– Все, Леша, хватит! Я не настолько старая и умная, чтобы тебе советы давать, сам разбирайся! Позови отца.

Алексей как-то потух, как лампочка, которую выключили. Он наклонился, упершись руками в койку, приблизив свое лицо к ней, и Ника рассмотрела у него на носу маленькие веснушки.

– Прости меня, – тихо попросил он.

– Не разочаруй меня, – ответила она.

– Спасибо! – шепотом поблагодарил Алексей и, поцеловав ее в щеку, распрямился и пошел к выходу и, уже взявшись за ручку двери, обернулся и спросил: – Можно я буду тебя навещать?

– Только если не станешь таскать бананы, я их терпеть не могу!

– Никаких бананов, клянусь! – разулыбался он и вышел.

В палату сразу же зашел Евгений Александрович, один, без охраны.

– Евгений Александрович, подозреваю, что ваш адвокат болтается где-то рядом? – спросила она.

– Вы угадали. – Он слегка опешил и, еще не зная, чего ожидать, нервничал.

– Тогда давайте его сюда побыстрее, у меня очень болит голова, и я устала, – отдала приказание Ника и, вспомнив Сонечкино воспитание, добавила: – Извините.

– Что вы, я понимаю!

Он совсем не солидно, суется, достал мобильный, нажал кнопку, спохватился, вспомнив о статусе, взял себя в руки и властно приказал:

– Семен, поднимись, зайди в палату! – и убрал телефон во внутренний карман пиджака.

– Вы что-то решили, Вероника?

– Да. Как говорят американцы: «Дайте ему еще один шанс», а лучше отправьте его в армию в какие-нибудь ВДВ или спецназы, туда, где посложнее.

Ника перевела дыхание, ее голова жила отдельной от хозяйки жизнью. Сейчас по расписанию у нее числилась боль, сильная, нарастающая. По-хорошему надо бы позвать медсестру и сделать укол, но Ника хотела побыстрее закончить со всем этим, не тратя время на уколы.

– Спасибо вам, Вероника! Все мои обещания остаются в силе, и сумма, которую вы назовете, в разумных пределах, конечно, вам будет выплачена.

– Конечно, в разумных, – усмехнулась она тому, как быстро он оклемался. – Отдельная палата – это ваши происки?

– Мои, – признался он.

– А если бы я отказалась, меня бы перевели в общую?

– Ну что вы! – Он снова был царственным, а потому снисходительным львом.

Ну почти был.

– Вы ведь пострадали из-за нас, я хоть как-то должен был компенсировать...

– Бросьте, Евгений Александрович! Компенсировать! – Она усмехнулась, и они переглянулись, как два все понимающих игрока в покер. – Я делаю это не для вашего сына, а для вас. Он не такая уж дешевка, как вы думаете, и еще неизвестно, кому бы больше не повезло: ему или эзкам, с которыми он бы сидел.

Она помолчала, потеряла виски, стараясь успокоить разгулявшуюся боль.

– Может, позвать медсестру? – заботливо предложил он.

– Потом.

Ника прикрыла глаза, немного спустилась с постамента, сооруженного из подушек.

В дверь негромко постучали, и вошел адвокат.

Он был маленький, пухленький, вальяжный – никакой суеты, резких движений и непродуманных слов – очень солидно, как и положено стряпчему человека такого уровня и масштаба.

Адвокат принялся подробно ей что-то объяснять, показывать какие-то бумаги, тыкать пухлым пальчиком, где надо поставить подпись. Ника прервала его:

– Стоп! Вы составили заявление, что я не имею претензий?

– Да! – на полном скаку своего красноречия остановился адвокат.

– Дайте!

Он протянул ей листок, вытащив его из дорогущего кожаного портфеля.

Лист пах кожей того самого портфеля и мелко дрожал у нее в руке. Ника заставила себя сосредоточиться и внимательно прочитать напечатанный текст.

– Хорошо, дайте ручку.

Он достал конечно же дорогую ручку и протянул ей, предусмотрительно подложив портфель под лист, для удобства.

– Вот и чудненько! – обрадовался он и быстро выхватил лист из ее пальцев, как только она поставили подпись. – Формальность номер два. – Он достал еще один лист из портфеля и протянул Веронике. – Здесь расписка о том, что вы получили энную сумму, или вам лучше перевести деньги на счет, по безналичному расчету?

– Спасибо, не надо, – ответила Ника.

– Значит, наличными! Я так и думал. Назовите, пожалуйста, сумму, я внесу ее в документ, отдам вам, и все!

– Никаких денег не надо – ни наличных, ни безналичных.

– Вероника! – возмутился Евгений Александрович, правда, в меру, и ухватил ее за руку. – Это несерьезно! Я богатый человек и могу... и хочу оказать вам помощь. Неизвестно сколько вы здесь пролежите, может, работу потеряете, а вам надо хорошо питаться, лечиться!

– Евгений Александрович, я вполне могу позаботиться о себе сама. Потеряю работу, ну и бог с ней, другую найду, я очень хороший специалист. И закончим на этом.

Семен Львович, будучи, видимо, замечательным адвокатом, в первую очередь соблюдавшим интересы клиента, слушать их перепалки не стал, а, шустро затолкав бумаги в портфельчик, тихо отбыл, пока Ника не передумала.

– Адвокат что надо! – усмехнулась Ника, услышав стук закрываемой за ним двери.

– Да уж! Еще тот жук! Только таких и держим, – рассмеялся Евгений Александрович. – Ладно, я вижу, вам совсем плохо, утомили мы вас, но мы еще вернемся к вопросу о деньгах!

– Не вернемся.

– Это мы еще посмотрим! – пообещал он.

– Ничего мы смотреть не будем. И у меня к вам есть просьба.

– Конечно! – почувствовав себя в знакомой стихии, весьма далекой от проявлений альтруизма, ответил он.

– У вас есть лист бумаги?

– Минутку. – Он вышел из палаты и сразу вернулся с бумагой и ручкой.

– Я напишу вам адрес и как проехать. Человека, которому надо передать мое письмо, зовут Василий Корнеевич, он волнуется и не знает, куда я делась, а телефона у него нет. Вы попросите кого-нибудь отвезти как можно быстрее.

– Это ваш родственник?

– Дедушка, – ответила она и улыбнулась.

– Я сам отвезу, прямо сейчас. Пишите.

– Вы, наверное, очень заняты, зачем вам самому это делать?

– Занят, и очень, но это не важно.

Ника не стала больше задавать вопросов.

Она писала письмо дедушке.

Почти на деревню.

Евгений Александрович деликатно отошел к окну.

– Все, Евгений Александрович, вот письмо, вот адрес. А сейчас извините, что-то мне совсем плохо. Позовите, пожалуйста, медсестру.

Все-таки Сонечка ее хорошо воспитывала!

За ней следили!

Для того чтобы понять и заметить это, не надо было быть специалистом. За ней следили нагло, не скрываясь, двое. Двое мужчин в темно-зеленом «вольво», стоявшем прямо возле ее подъезда.

На следующий день, утром, она поехала на работу.

– Доброе утро! – поздоровалась Ника с Клавдией Ивановной, их консьержкой.

Сколько Ника себя помнила, Клавдия Ивановна всегда была консьержкой в их подъезде. Из маленького стеклянного закуточка, в котором она сидела, всегда раздавались звуки радио, неизменно настроенного на «Маяк», и всегда в руках у нее было вязанье. Нике казалось, что за столько лет бесконечного вязания можно было обеспечить кофтами, шарфами и свитерами весь их дом и парочку соседних заодно.

– Здравствуй, Никочка! Как ты себя чувствуешь?

Как и положено всякой уважающей себя консьержке, Клавдия Ивановна абсолютно все про всех знала и была в курсе жизненных перипетий проживающих в подъезде, да и во всем доме людей.

– Спасибо, хорошо! – ответила Ника и поспешила выскочить из подъезда, подальше от расспросов.

На улице торжествовало солнце!

Все-таки неплохо, что она, проболтавшись в больнице, пропустила весь слякотно-весенний период. А сейчас радостно тепло, конец апреля, никаких намеков на грязные сугробы, и можно начинать верить обещаниям весны, что лето все-таки будет!

Прямо возле подъезда стоял темно-зеленый «вольво». За рулем сидел мужчина, второй, опершись бедром о капот, стоял рядом и курил. Он улыбнулся и подмигнул ей.

«Идиот!» – подумала Ника.

Но он оказался не идиотом, а «заботливым» посланником Михаила Ивановича. Весь день они следовали за ней неотступно.

Подмигивающий дядечка спустился за Вероникой в метро и проводил до дверей офиса, двигаясь метров на пять сзади.

«Ну что ж, – подумала Ника, заходя в здание, где располагалась фирма, в которой она работала, и предъявляя пропуск охраннику у дверей. – По крайней мере, сюда ты не войдешь! Вот и постой на улице!»

На ее рабочем месте, за ее компьютером сидела незнакомая девушка и, весело щелкая по клавиатуре, набирала текст какого-то документа.

«Кто бы сомневался!» – почему-то расстроилась она, хотя понимала, что так и будет.

Ника пошла к начальству. В приемной ее встретила секретарша Юля.

– О, Вероника Андреевна! С выздоровлением! – очень фальшиво обрадовалась Юлечка.

– Здравствуй, Юля. У себя?

– Да, сейчас доложу. – И она, торопясь избавиться от неловкой ситуации, поспешила оповестить начальство: – Владлен Николаевич, к вам Былинская.

– Пусть заходит.

Ника кивнула Юлечке и вошла в ультрасовременный кабинет начальника, выдержанный в модном стиле хай-тек.

– Здравствуйте, Владлен Николаевич.

– Здравствуй, здравствуй, Вероника!

Он поднялся с кресла, вышел из-за стола и пошел навстречу, изображая радушного хозяина.

– Как ты себя чувствуешь? Оправилась после аварии?

Подошел, пожал ей руку и, слегка повернув, направил к креслу, стоявшему в углу в паре с другим таким же, возле маленького, так называемого чайного столика. Ника послушно села.

– Тут, понимаешь, такое дело... – начал он, усаживаясь в кресло напротив.

– Я понимаю, Владлен Николаевич, меня долго не было, вы взяли на мое место другого человека. Как она, кстати, справляется?

– Да, да, справляется, – торопливо ответил он, слегка поерзав и даже, как ей показалось, немного покраснев.

«Понятно. Значит, еще и немного амурных дел. Или много, амурных-то?»

– Ты не беспокойся, подыщем тебе место в филиале, конечно, оплатим больничный, мы же не шараш-монтаж какой!

– Не беспокойтесь, я понимаю. Я бы хотела получить расчет, и как можно быстрее.

Он сразу повеселел, взбодрился, ясное дело: кому приятно увольнять работников, да еще первоклассных, и заменять их малоизученным объектом страсти.

– Конечно, прямо сейчас все и оформим. Тебе полагается зарплата за февраль, ты не успела получить, еще два года подряд не брала отпуск, значит, отпускные и больничный – набегает приличная сумма. И еще, – уже совсем приободрившись, решил порадовать ее начальник, – коллектив скинулся тебе на материальную помощь, так сказать. Мы же понимаем: после такой страшной аварии тебе отдохнуть надо, прийти в себя!

Он внимательно ее рассматривал, ожидая, видимо, что она откажется.

«Нет, дорогой, ты не Евгений Александрович, и с тебя я все твои отступные возьму!»

Ей почему-то стало весело – не каждый день приходится выступать в роли ведущей актрисы, да еще на своем собственном спектакле.

– Большое спасибо! Деньги мне очень нужны. Можно прямо сейчас оформить и получить?

– Конечно, конечно, – ответил он и, резво поднявшись, подошел к столу.

Приказец «неожиданно» обнаружился у него на рабочем столе, уже подписанный, в него осталось только поставить число.

– Пиши заявление. – Он сверился с календарем, назвал дату, которую надо указать, и протянул ручку и бумагу.

Даже не присев, наклонившись над столом, она написала заявление и передала ему. Он прочитал, кивнул и, посмотрев на Нику, вдруг признался:

– Мне ужасно не хочется тебя терять, ты классный специалист, но сложилось так, как сложилось. Может, ты пока поработаешь у моего друга или в филиале, а потом я тебя назад заберу, на большую зарплату?

– Вот потом и посмотрим.

– Договорились.

Минут сорок Ника побродила по офису, приняла ахи и охи по поводу аварии и поздравления с выздоровлением, выслушала сплетни, узнав ненужные ей подробности бурного романа начальника с новым главным менеджером, назначенной на ее место. И получив расчет в кассе, с легким сердцем покинула контору, прихватив с бывшего рабочего стола разные личные мелочи, которые держала в офисе.

Сумма, полученная и пересчитанная, приятно поразила Нику, она оказалась раза в три больше того, что она ожидала.

«Вот и хорошо! Мне деньги очень кстати!»

Соглядая, ожидавший ее на улице, слегка замерз, уже не подмигивал и явно злился, а чай, не лето и даже не месяц май, и не город Ашхабад, а Москва стылая. Ей даже на мгновение показалось, что он сейчас подойдет и отчитает за то, что она слишком долго задержа-

лась. Но он не подошел, и они двинулись к метро в установившемся уже порядке – Вероника впереди, он метров на пять сзади.

Он провожал ее весь день – телепался за ней в магазин, проводил до дверей Милкиной работы, куда она зашла по пути, чтобы договориться встретиться завтра в кафе, поболтать и поесть вкусных десертов, от Милки в метро, от метро до дома.

Вечером, переделав все дела по дому и измучившись от того, что не может ни читать, ни смотреть телевизор, не переставая думать о ситуации, в которую попала, Ника то и дело выглядывала в окно и рассматривала стоящую у подъезда машину.

– А чего ты ждала? Что они исчезнут? – разозлилась на себя она.

От размышлений о возможных чудесах телепортации ее оторвал телефонный звонок.

– Добрый вечер, Вероника Андреевна, – поздоровался культурный Михаил Иванович.

– Кому как, – ответила Ника. Почему-то ей все время хотелось ему дерзить.

– Я вижу, что вы не поняли всю серьезность вашего положения! Из отведенных вам трех дней за сегодняшний вы не сделали ничего для решения нашей проблемы. Я понимаю, что вам надо было пойти на работу и получить расчет, но, девочка моя, вопрос сейчас стоит не о деньгах, а о вашей жизни. И если вы этого так и не поняли, то я прямо сейчас отдам приказ, и те двое, что сидят в машине, поднимутся в квартиру и немного с вами «пообщаются». Тесно пообщаются. Оба. Вам понятно?

– Да! Вы не вернули мне мою книжку! – У нее навернулись слезы на глаза от злости и обиды.

– Завтра утром вы ее получите, а сейчас шевелитесь, думайте, что делать!

На сей раз она аккуратно положила трубку на аппарат и присела на стоящий возле телефонного столика пуфик.

«Мне нужна помощь! К дедушке ехать нельзя, они за мной следят. Пока никто не знает о его существовании и о доме, это мой козырь! Но отсидеться не удастся даже там, рано или поздно они меня найдут. Что же делать?»

Она решительно встала и пошла в кухню.

– Выпить чаю для начала! – подбодрила она себя.

И, занявшись простыми делами, заваривая чай, накрывая на стол, постаралась взять себя в руки и, не поддаваясь панике, рассуждать здраво, ну, хоть как-то рассуждать!

«Лучшая защита – нападение! Нападение на кого, Никуша, на что? Ты даже не знаешь, кто они, кто этот Михаил Иванович. Значит, надо узнать, кто он такой!»

Она вздохнула своим нелегким и не самым продуктивным думам и неизбежности следующего из них вывода.

– Мне все-таки придется найти эти чертовы документы и слитки!

Хорошо сказать: «найти»!

Как?!

Она не агент 007 и даже не «менты» из известного сериала, у нее и знакомых таких нет.

Ну, не в милицию же идти, ей-богу!

«А почему нет? Надо пойти, написать заявление, объяснить, что у меня тут происходит черт-те что!»

Она опять тяжело вздохнула, вконец раздосадованная собственной тупостью.

«Видать, ты хорошо головкой-то об асфальт приложились! Какая милиция?! Этот дядька вполне может оказаться сам из органов или еще чего похуже, ведь каким-то образом он узнал о документах и слитках. Очень, кстати, интересно, как он о них узнал! Но сейчас это не имеет значения, главное, к кому можно обратиться за помощью?»

И тут она вспомнила!

Вспомнила и аж подскочила от осенившего прозрения, перевернув на себя кружку с остатками чая.

«Слава тебе, Господи! Надоумил девку глупую!»

Года два назад у Милкиного брата Костика произошли какие-то очень крупные неприятности.

Костик был лет на десять старше Милки и имел свой серьезный и солидный бизнес – какое-то производство, не то комбайны, не то сенокосилки, что-то связанное с сельским хозяйством и еще чем-то. Бог его знает, Ника не интересовалась никогда – ну, богатый и богатый, ну, очень богатый, и Бог тебе в помощь!

Костик содержал всю семью, и содержал очень нехило, если учесть, что семья та большая – жена, двое детей, Милка, их мама, папа, две тетки, бабушка, сестра бабушки. И эдакая орава уютно и комфортно сидела у него на шее.

Милка лихо рассекала по Москве на «тойоте» последней модели, скакала с одной работы на другую в поисках себя и своего самовыражения, периодически отдыхая от этих поисков себя в «творчестве» на всяких экзотических курортах. Она неоднократно и весьма подробно рассказывала Веронике о жизни всей остальной семьи, не менее бестолковой и иждивенческой, но Ника не слушала, пропуская эти сведения мимо, ей было неинтересно почему-то.

Так вот, у этого самого Костика, кормильца и поильца всей семьи, случились очень большие неприятности. Что за неприятности, Ника тоже не помнила и не знала толком. Единственное, что она запомнила из той истории, это то, что ему помогли выпутаться из проблемы какие-то лихие профессионалы, очень серьезные и солидные дядечки. Что-то типа частного агентства, но о-о-очень высокого уровня.

Вот как-то так.

И про лихих «спасателей» запомнила-то потому, что Костик на радостях устроил пир горой в дорогом ресторане, куда пригласил кучу народа, в том числе и любимую сестру Милку, которая потащила с собой Нику.

Ника не хотела идти, упиралась, но Милка ныла, что там все неинтересные, деловые соберутся, а они хоть оторвутся вдвоем. Отрываться Милка вполне умела и одна, но в этот раз ей всенепременно понадобилась компания, черт ее знает, то ли из прихоти, то ли из вредности характера.

Итак, Милка ныла, Соня настаивала, уговаривала, и Ника сдалась.

В ресторане действительно собралась солидная деловая публика, которая оставалась таковой в течение первого часа застолья, ко второму часу питания перестав быть деловой, а к разгару веселья и солидной.

Ника так и не поняла, зачем ее притащила с собой подруга, ибо Милка носилась по всему залу, болтала, смеялась, танцевала с разными кавалерами, воплощая программу отрыва в жизнь.

Когда она в очередной раз рухнула на свое место за столом, рядом с Никой, шумно рассказывая, с каким классным мужиком сейчас танцевала, запивая минералкой свой рассказ, к ним подсел Костик.

Он был слегка навеселе, довольный и счастливый.

– Привет, Никуша! Молодец, что пришла, у меня праздник!

– Здравствуй, Костя, я очень рада, что у тебя все наладилось!

– Наладилось! – рассмеялся он. – Только ты можешь так красиво изъясняться! Все такая же интеллигентная пуговица! – И он чмокнул ее в щеку. – Никуша, какое наладилось, я вылез из такого!.. Уже думал, все! Кранты! Пропал ты, Тишин! Но, слава богу, выгреб! Вернее, это не я, мне мужики о-очень толковые помогли. И как они это провернули – высший класс!

Он подхватил Милкину рюмку, налил водки из графина и выпил.

– Они здесь? Покажи, где они, Костик! – встряла Милка.

– Нет, они не пришли. Мы с ними уже отметили. Видишь ли, чижики, у них такая специфичная работа, что чем меньше людей знает их в лицо, тем лучше.

– Это были какие-то финансовые, банковские проблемы? – спросила Ника.

– Не только, – задумчиво протянул Костик. – Даже не столько финансовые, сколько иные! Но вам, чижики, этого знать не надо!

Он называл их чижиками, на что имел полное право. Они были для него младшими сестренками.

Ника познакомилась с ним, когда первый раз пришла к Тишиным в гости. Ей было семь лет, они сидели с Милкой за одной партой в школе и были для Костика желторотой мелюзгой, такими и остались на всю жизнь. С девочками малолетними он был снисходителен, щедр и авторитетен, Никушу называл «интеллигентной пуговицей».

– Почему пуговица? – обижалась она.

– Потому что маленькая, веселая, перламутровая, с вишневым отливом, – смеясь, пояснял он.

– Почему с вишневым? – стараясь во всем разобраться, допытывалась семилетняя Ника.

– Потому что пахнешь вишней!

«Вот что мне нужно!»

Бросив полотенце, которым вытирала мокрые джинсы, на стол, Ника выбежала в прихожую, схватила трубку телефона, собираясь набрать Милкин номер, и остановилась.

«А ведь они вполне могут прослушивать телефон. Даже наверняка прослушивают, и, может, не только телефон!»

Она осторожно положила трубку на место и тихонько похлопала ее рукой, как будто успокаивая – извини, что потревожила.

«Итак, что мы имеем? А имеем мы необходимость конспирации! Мамочки! Ты послушай себя, Ника! О чем ты рассуждаешь и всерьез обдумываешь – конспирация! Это же бред!»

Бред не бред, а соображать оперативно приходится.

Сотовый мог бы облегчить оперативность действий, подумала Ника и тут же покачала головой – да ни фига! Даже младенцу известно, что мобильник проще простого и отследить и прослушать, как нечего делать! К тому же ее сотовый разбился вдребезги, выпав из сумки в момент удара о машину. Вот странное дело, остальное содержимое сумочки осталось в целости и сохранности, даже косметика не пострадала, а вот телефон – надо ж тебе! Ника потому и зашла вчера к Милке прямо в офис – телефона-то нет, а звонить с бывшей теперь работы ей почему-то не хотелось.

«Ладно, завтра мы договорились встретиться в два часа. Очень хорошо! Договорюсь с Марией Гавриловной на утро и поеду в гости. Надо создать видимость бурной поисковой деятельности!»

Ника сидела в их любимом кафе и ждала Милку. Через три столика от нее сидел соглядатай, не тот, подмигивающий, который, видимо, утомился бегать за ней все утро по Москве, а другой, обычно остававшийся в машине.

Она приступила к «показательным» действиям с раннего утра и навестила трех бабулиных подруг, живущих в разных концах Москвы. Ника чувствовала, что перестаралась, – голова кружилась, не то от голода и усталости, не то от волнения.

Милка, как обычно, опаздывала.

Сейчас она искала себя на ниве дизайна. Хотя что она может там найти, имея за плечами школу, законченную со знаниями на уровне церковно-приходских; «жопинский» институт, где всегда были недоборы и принимали всех подряд, законченный подругой на неуверенные тройки; а также ненайденную себя в роли свободного журналиста, не менее свободного художника и еще десятка испробованных профессий, – Ника, вот хоть убейте, не понимала. Но как говорится, бог в помощь!

Милка влетела в кафе, высмотрела Веронику, махнула ей рукой, прошла к ней, лавируя между столиками, и плюхнулась на стул.

Ника, переждав шторм ее появления, усаживания, заказа, первого глотка чая, сразу приступила к делу:

– Мила, меня преследуют какие-то аферисты.

– Да ты что?! – вытаращив от любопытства глаза, воскликнула Милка. – А что они хотят? Это из-за квартиры бабушки?

– Не знаю.

– Господи, а что же еще?! – засверкав загоровшимися от любопытства глазами, возроптала Милка.

– Мне надо разобраться, и как можно быстрее. Ты помнишь, когда у Костика были неприятности, ему помогли какие-то люди?

– Конечно помню!

– Ты можешь взять у Кости их координаты?

– Могу. Сейчас позвоню и спрошу! – Она стала ковыряться в своей необъятной сумке в поисках трубки.

– Не надо звонить, – остановила активное изыскание сумочных недр Ника. – Он офис не поменял?

– Нет.

– Тогда сходи прямо сейчас и возвращайся, я буду ждать.

– Правильно! Я поеду, я на машине.

– Не надо ехать, – вздохнула немного тягостно Вероника, – здесь через переулок, пешком пять минут.

– Точно! – радостно согласилась Милка и тут же возмутилась в стомиллионный, неизвестно какой раз: – Былинская, мне всегда было обидно, что ты такая умная!

Обычное, ставшее привычным и неизбежным, как утро следующего дня, Милкино нытье на тему «Какая я дурочка» и прилагающиеся к нему рассуждения, почему такие умные, как Ника, дружат с такими дурочками, как Милка.

Ну, дружат и дружат, кто его знает, почему так сложилось. Обычно эти рассуждения обострялись в моменты очередного неудачного романа или с началом отдыха от поиска себя, поэтому Ника спросила:

– Ты что, уволилась с работы?

– Нет, но подумываю над этим. У руководства неправильное цветовое видение современной обстановки, – изобразив смирение, пронила Милка.

– Ясно. Иди! И не говори Косте, что это для меня, скажи, что у твоего «неправильного» руководства проблемы. Придумай что-нибудь, ты же умеешь.

– Поняла, поняла! Я мигом. А ты потом мне все расскажешь!

* * *

На визитной карточке, которую Ника держала в руке, значилось: «Кнуров Сергей Викторович», два номера офисных телефонов, один мобильный и больше ничего – ни названия,

ни логотипа, полагающегося фирме. На обратной стороне рукой Костика был написан еще один номер мобильного телефона.

– Не хотел давать, еле уговорила, – трещала Милка рядом, понизив голос. – Понимаешь, они берутся только за очень непростые дела, как правило связанные с большими деньгами, потому что, как говорит Костик, эти дела и есть самые непростые.

– Что значит большими? – уточнила Ника.

– Ну, не знаю, миллионы долларов, наверное.

– Они что, криминальная структура?

– Да нет! Что ты! Совсем даже наоборот! Вполне легальная фирма, они все из бывших, не то гэбистов, не то ментов.

– Бывшие-то как раз сейчас самые криминальные, – усмехнулась Ника.

– Но не эти, точно! Так Костик сказал.

– Значит, мальчики работают только с олигархами?

– Ну, Костик-то наш пока что далеко не олигарх, а они с ним работали. Он мне сейчас про них рассказывал, аж расчувствовался. Значит, мужики там хорошие, Костика не обманешь.

– Так они, может, за мое дело и не возьмутся, у меня миллионов нет.

– Вот! – чему-то обрадовалась Милка. – Костик пояснил, что, собственно, дело не в зеленых нулях, главное, чтобы интрига была позаквыристей!

«Куда уж заквыристей! – подумала Ника. – Разве что золото партии искать!»

– Насколько все сложно, я пока не поняла.

– Так, давай рассказывай! – возмутилась Милка.

– А дорого они берут? – ушла от вопроса Ника.

– Костик сказал, что гонорар зависит от конечного результата. Если все благополучно разрешается, то они берут какой-то процент от чего-то, я не поняла, а если нет, то клиент оплачивает только текущие расходы. А вот эти расходы у них очень большие, они используют всякие высокие технологии и еще много чего. Так что ты подумай, нужно ли тебе это.

– Я подумаю.

И, зная, что сейчас последует, попросив мысленно прощения у Милки за обман, воплотила в жизнь план побега от ее вопросов.

– Ой, Милка, что-то мне плохо, голова сильно заболела. Мне срочно надо домой.

– Пошли, Никочка, я тебя отвезу! – засуетилась Милка. – Ты даже позеленела вся!

– Нет, я лучше на метро – из центра в центр, всего три остановки, а на машине мы час в пробках простоим.

– Ты опять права! Ну давай, хоть до метро довезу!

– Тишина, метро в пяти метрах. А ты лучше иди, ищи в себе дизайнера, а вдруг найдешь?

– Думаю, вряд ли, – вздохнула Милка.

– Спасибо тебе большое за помощь! Кстати, а что это за телефон Костик написал? – Она указала на визитку.

– Ой, я забыла, Костик предупредил, что по этому номеру можно звонить только в крайнем случае. Я его так уговаривала, придумала крутого мужа с неприятностями у своей начальницы.

– Спасибо. Мила, ты никому не рассказывай про наш разговор, если расспрашивать начнут, придумай что-нибудь.

– Кто начнет? – не поняла Милка.

– Не знаю, какие-нибудь люди, незнакомые тебе.

– Былинская, ты с ума сошла! Что у тебя происходит?! Немедленно признавайся! – перепугалась вдруг всерьез Милочка Тишина.

– Я же сказала, что пока и сама не знаю.

– Ника. – Милка ухватила ее за руку и придвинулась поближе. – Поживи пока у меня или вон у Костика, за городом, тебе не надо одной оставаться!

– Спасибо, Мила, но в этом нет необходимости.

– Ладно, иди, «интеллигентная пуговица», но я буду все время тебе звонить! – припугнула Милка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.